

Праздник будет

— А ну стойте... паршивки! Кому... сказала?! Ну, я вам устрою... вы у меня получите!!!

Прерывистые выкрики так разносились по двору, что, кажется, эти вопли слышал весь дом — от первого до пятого этажа. Тётя Марина занималась вечерней пробежкой: гналась за двумя девочками, бегая вокруг «панельки». «Паршивки», хохоча, и не думали останавливаться — улепётывали, как последний раз в жизни.

Девчонкам не привывать — вечно крайние!

Впрочем, облажались так облажались. И верно: одно дело подтрунивать над аккуратисткой и красавицей двора — дочкой тёти Марины, совсем другое — опрокинуть её в лужу. Потерпевшая всего-то демонстрировала «подругам» новое платье, ну, обронила, что у них никогда такого не будет. Обидчивые какие!

«Будущие уголовницы! Изолировать их надо...» — возмущалась на бегу тетя Марина. Хуже всего, что никуда не денешься от мерзких хулиганок, доченьку, омничку и красавицу, не спрячешь...

Женщина остановилась. Еле переведа дух, поплелась домой — ну, завтра она выскажет родителям! Пусть платят за испорченную вещь, сволочи.

Девчонки давно исчезли из виду.

...Запыхавшаяся, Оля вдавила кнопку звонка несколько раз. Открыл отец. Ничего не сказал. Пропустил дочку в квартиру и снова завалился на диван — читать. На табуретке стояла початая бутылка... Оценив обстановку, Оля шмыгнула в свою комнату.

А наутро взбучки удалось избежать. Причём обеим — подруга Сашка отболталась, она это умеет, родители в обиду не дали. А Оля...

— Оленька, а хочешь, в парк пойдём? — предложил отец.

— В па-а-а-арк? — она исподлобья взглянула на него: такое уже было — пообещает, потом напъётся и забудет.

— Собирайся, дочь.

— А мама?

— Мама работает. Придёт вечером, знаешь ведь.

Она ещё никогда не была в парке с папой. Да и вообще никуда не ходила с папой. В парк её иногда водила мама... Оля не знала, радоваться или нет.

Наскоро умывшись, натянув повседневный, салатного цвета, костюмчик — шорты и футболку, — пригласила кудряшки и была такова. Папа взял Олю за руку, и они отправились в парк Нефтехимиков, что неподалёку от дома.

Парк казался ей большим островом, обросшим тропическими (берёзы, ёлки, клёны и дубы мечтать не мешали...) пальмами и папоротниками. Такие чудеса — и совсем рядом. Жаль только, что редко гуляют вместе: мама занята работой, папа тоже занят — у него друзей целый район, они приходят с чёрными пакетами и допоздна сидят с ним в зале, покуривая сигареты и чокаясь рюмками. А иногда не приходят. Мама говорит в таких случаях: «Когда есть деньги — есть друзья, когда нет денег — нет друзей».

«Не день, а праздник!» — думала с некоторой опаской Оля. Как будто день рождения с зимы перенесли вдруг на лето. Папа угощал дочку мороженым, она «летала» на батуте, втайне надеясь остаться в воздухе, взмахнуть руками и полететь по-настоящему... куда-нибудь далеко, может. С Олей всегда происходило подобное: в самый радостный момент, когда можно чувствовать себя счастливой, падала тень — навязчивое и непреодолимое желание убежать. Она сама не понимала почему. Настроение это желание отравляло в один миг. Становилось плохо. Оля училась никому не показывать: ведь все стараются сделать твою жизнь лучше, а ты... даже улыбнуться не можешь, порадоваться искренне.

Отец посматривал за дочкой, а сам витал где-то далеко. Он отдыхал по-своему — украдкой доставал припрятанную в кармане фляжку и делал глоток.

Когда время прыжков на батуте вышло, Оля торопливо натянула сандалики с потрескавшимся дерматином (как она их не любила — с ними столько возни!), застегнула их и побежала к отцу. — Ну, что дальше? Может, на «Ромашку»? — предложил он. — Или боишься? Другую карусель?

— На «машинки»!

Отец засмеялся:

— Ну да, ты же их любишь... Все уши как-то маме пружужжала...

Отец осёкся. Может, понял, что впервые повёл дочку в парк, и на миг ему стало стыдно. Может, воспоминание об усталой, вечно недовольной жене покорило...

Он взял девочку за руку, и они побрели в заветный уголок с рельсами на высоких опорах—к «машинкам».

Оля очень любила аттракцион «Весёлые горки». Приведи только в парк—и больше ничего не надо. Она всегда жалела, что прокатиться можно лишь раз. Мама объясняла, что кататься больше—денег нет.

—Оленька, ты уже большая... сможешь одна?—отец серьёзно посмотрел на неё.
—Смогу!

Она боялась: мама никогда не давала ей кататься одной, всегда садилась рядом. От предвкушения и страха Оле ещё больше захотелось на карусель: она сможет, она не будет визжать! Или будет... так даже интереснее: машинка то стремительно несётся вниз, то подлетает вверх, как будто вот-вот вознесётся в небо... Ух! Как тут не заорать изо всех сил?

И она неслась одна, впервые, вцепившись в поручень перед собой. Поперёк живота—толстая цепочка. Оля вспомнила подзабытое ощущение: казалось, цепь не удержит, а она, Оля, вылетит и прочертит собой воздух... но всегда обходилось.

А потом они просто гуляли. Отец тоже не улыбался, но словно стал другим. И даже в глазах—обычно недобрых или стеклянных, рассеянно блуждающих с перепою,—возникло что-то живое.

Заглянули в торговую палатку. Отец предложил дочке выбрать себе подарок.

Оля рассматривала большие светящиеся попрыгунчики, мягких зверушек, водяные пистолетики... Наконец девчонка выбрала АКМ и Пикачу. Точнее, не могла разобраться—чего хочет больше. Жёлтенький Пикачу пел песенку и был таким мягким, приятным на ощупь... Автомат ей тоже нравился—внушительный!

Отец, видя сомнения Оли, сказал продавцу:—Мы возьмём и «калашников», и зверюгу. И давайте сразу десять упаковок пулек.

Оля обомлела. Этого слишком много... слишком для одного дня. Она знала: за хорошим следует только плохое и долго-долго тянется, не переставая. И всё же заставила себя улыбнуться.

Мальчишки окружили Олю. Каждый смотрел на «калашников» голодными глазами. «Даже у Тимки ничего подобного нет»,—не без удовольствия думала Оля. Тима—особенный мальчик. Квартира его родителей представляла собой настоящую сокровищницу самых классных игрушек—от целого плюшевого зоопарка, который едва помещался

на широкой полке в советской стенке, до нескольких наборов солдатиков. Что уж говорить о «видике» и солидной коллекции кассет с мультиками...

Смилостивившись, Оля дала каждому стрелнуть из автомата. Она уже представляла, как будут играть в войнушку,—не терпелось побегать по двору с «калашниковым»!

Дома Оля бережно убрала пульки подальше. Пикачу пристроила рядом с подушкой.

А вечером пришла с работы мама. Она едва не шаталась от усталости. Отец спал в зале.

—Напился?—вполголоса спросила мать у дочери.

Оля виновато отвела глаза. Разговоры о пьянстве ей не нравились. От них—только тянущее чувство вины.

—Ладно. Идём на кухню, готовить. Опять целый день на улице бегала, наверное. И этот не покормил, как всегда, да?

—Я уже взрослая. Сама всё могу погреть,—буркнула Оля.

—Ага, если бы ещё ты это делала. Сколько раз оставляла тебе еду, всё показывала...

—Ну, я не хотела есть.

—Ну-ну.

... Конечно, она не одобрила подарков.

—У ребёнка сандалии истрепались, кроссовки вечно каши просят! Осень скоро, в школу, а он ей «калашникова» дарит! Вот молодец!

Муж матюгался в ответ: мол, единственный раз побаловал дочку, ну так что? Нельзя?

—Побаловал, ага. Напился как скотина! Опять! Тебе денег некуда девать, я смотрю?

Оля грустно слушала. Не в первый раз. Сколько ссор! Иногда Оле казалось, что всё это—им не подходит. А ещё она почему-то боялась, что так живут только её родители...

...«Калашников» сломали через неделю: отец хвастался перед собутыльниками и, когда стрелял, каждый раз с таким остервенением передёргивал затвор, будто автомат—настоящий. А Пикачу ещё долго пел песенку. Пока батарейки не сели. Сломанный автомат и жёлтый зверёк, покрывающийся пылью, напоминали Оле её саму, и даже больше, чем в момент, когда игрушки были новыми...

Тимке подарили винтовку-винчестер, и теперь уже его окружали мальчишки. Тимка гордо демонстрировал «оружие», а пострелять дал только Оле. Оля изобразила восторг: ей жутко хотелось отшвырнуть винчестер.

Умница и красавица из приличной семьи продолжала ехидничать. Продолжала её дразнить Оля, а тётя Марина так же жаловалась на хулиганку её маме, а последняя—фыркала.

В августе мама купила дочке новые кроссовки и школьную форму.

В парк больше не ходили.

говорила с Алтынай, радуясь, что у неё есть такая классная сестра, что у неё вообще есть сестра...

5.

— Гульсина-апа! Алтынай можно найти в Интернете? Какая у неё сейчас фамилия?

— Костюкова.

Оля благодарно кивнула. Она не знала, как сохранить ощущение семейного тепла, но пыталась...

6.

Телёнок испугал её, высунув огромную голову из-за загона. Телёнок норовил лизнуть руку. Прохаживались по двору белые индюки, поразившие городскую жительницу своим цветом и гордым, независимым видом. «Наверное, я похожа на них». Между ней и родными будто пустыня: достичь цели вроде и можно, но почти нереально. Будто некто могучий взял гигантские ножницы и вырезал ими Олю по контуру. Отделил от людей.

7.

Вечером они не поехали домой. Юра выпил и не мог сесть за руль. Лёжа в постели, он повторял: — Вам не нравится мой микроавтобус? Не нравится, да?

— Да перестань уже! Как ребёнок, — ворчала Оля. — Нравится нам минивэн, классный он. Теперь спи.

Когда брат пил, он превращался в мальчика. Оля и любила, и не любила это в нём. С виду пьяный он становился добрее, искреннее. Ей хотелось плакать, потому что он не такой по натуре. И папа тоже. Тоже не бывал добрым, настоящим. А мама... а мама лучше всех.

Оля засыпала медленно. Навязчиво хотелось написать сестре, которая не смогла приехать. Найти её в соцсетях и написать. Сразу по возвращении. Сразу.

8.

Белые индюки высыпали за ограду, к машине. — Они, что, провожают нас?! — поразилась Оля. — Конечно! — улыбнулась Гульсина-апа.

Оля чувствовала, что задержалась бы здесь, но уезжать нужно сейчас.

Дома она быстро нашла Алтынай в соцсетях. Просмотрела украдкой свадебные фотографии. Увидела знакомые пейзажи Больших Шадов на других фото. И решила не писать.

Страничка, оставленная в закладках. Страничка, с которой не получит ни одного сообщения. Опустошённость.